

Нищий ученый. На одежде — заплатки. На пальцах — следы туши. В глазах читалась обида, но ума было не занимать.

— На свете полно вещей, о которых не написано в книгах, — произнесла она. — И как долго вы намерены писать?

Гу Чанцин на мгновение растерялся.

— Писать что?

— Писать о том, что действительно приносит пользу.

Они проговорили весь вечер.

Шэнь Роюй заметила одну вещь: у Гу Чанцина было превосходное перо. И хотя его сочинения изобиловали казенными штампами восьмичленного сочинения, фундамент был крепок — его способность подбирать слова, выстраивать логику и использовать риторику находилась на высшем уровне.

Ей был нужен именно такой человек.

В ее голове хранились знания по физике за тридцать лет. Но она не умела выражать их на классическом литературном языке. То, что она писала, было понятно ремесленникам — потому что просто и прямолинейно. Однако, чтобы это прочли ученые, чтобы это увидели чиновники и чтобы это приняло как можно больше людей, ей требовался переводчик.

Переводчик физики на древнекитайский язык.

— У меня есть предложение, — сказала Шэнь Роюй. — Я разбираюсь во всем этом... — она указала на печи, рычаги и водяные колеса. — Но я не умею писать статьи. У вас прекрасный слог, но вы в этом не смыслите. Давайте работать вместе.

— Как именно?

— Я буду обучать вас принципам. Вы станете излагать их в виде статей. Писать для ученых мужей, писать для людей по всему миру.

Гу Чанцин умолк.

Он положил всю жизнь на имперские экзамены. Тридцать лет добивался ученых степеней. Три раза проваливал экзамены.

Тридцать лет.

И что он получил в итоге? Полное брюхо бесполезных восьмичленных сочинений. Горсть никому не нужной обиды. Жалкое подобие среднего возраста и нищету.

Но сегодня под вечер он собственными глазами увидел, как простая палка сдвинула с места огромный валун.

Просто. Точно. Реально.

Никакой пустой болтовни вроде космической хаосо-тмы из классических трактатов. Это была вещь, способная изменить мир.

— Хорошо, — ответил он.

В тот вечер Гу Чанцин сделал запись в своем походном дневнике.

Позднее Ляочэнь включил эту заметку в «Записи о воспоминаниях прошлого».

Синвань прочла следующие строки:

Я добивался ученой степени тридцать лет, но одна фраза госпожи Шэнь отрезвила меня: наука нужна вовсе не для того, чтобы делать карьеру чиновника, а для того, чтобы творить дела.

Она закрыла тетрадь и долго вглядывалась в окно.

Наука нужна не для чиновничества, а для дел.

Эта фраза... звучала так, будто ее могла произнести мама.

И от человека, которого мама могла изменить.

В эпоху правления Ванли мама не просто обжигала керамику, возделывала поля и открывала школы.

Она меняла людей.

Ремесленника. Монаха. Нищего. Ученого.

Она собрала их воедино.

И заставила делать одно общее дело.

— сберечь знание для этого мира.

(Том первый. Известные условия. Продолжение следует.)

В тридцати ли к западу от города располагалось укрепленное селение.

Синвань впервые услышала об этом месте на ночном совещании. Когда Чэнь Анюй докладывал о передвижениях банд бродяг в окрестностях города, он вскользь упомянул: в тридцати ли к югу есть земляная крепость, а заправилу зовут Хань Tiezhu. Под его началом около трехсот человек, у каждого ножи и ружья.

— Что за люди?

— Толком не поймешь. Не совсем разбойники, но и не казенные солдаты. На словах — защищают родные края и народ, а на деле... — Чэнь Анюй поскреб в затылке. — Примесь и тех, и других.

Серая зона.

Синвань мысленно приклеила ярлык: потенциальный союзник / потенциальная угроза / требует наблюдения.

Следующие две недели она велела продолжать сбор сведений о Хань Tiezhu.

Результаты оказались весьма любопытными.

Укрепление Хань Tiezhu не взимало дорожных пошлин — этим оно отличалось от прочих вооруженных бандформирований. Его люди покупали продовольствие в близлежащих селениях честно, за деньги, без грабежей. Если же деревни докучали бродяги, его отряд выходил в бой. Разбив врага, воины уходили, не оставляя имен.

— Чего он добивается? — спросила Синвань.

Су Цзиньшу призадумалась:

— Стремится к покою. Он не великий стратег, которому нужны глобальные свершения, он хочет лишь удержать свой крохотный клочок земли.

— Иметь при себе три вооруженных сотни и стеречь лишь один клочок земли?

— Именно поэтому я и говорю, что он не разбойник. Аппетиты бродяг безграничны. А его — ограничены.

С человеком ограниченных запросов можно вести переговоры.

Синвань приняла решение.

— Дядюшка Цинь, отправляйтесь со мной.

Цинь Ху как раз протирал клинок. Услышав это, он замер с куском ткани в руке.

— В земляную крепость?

— Навестить Хань Tiezhu.

— Ты рехнулась? — он поднял голову. — Это же разбойничье гнездо.

— Вовсе не разбойничье гнездо, — возразила Синвань. — Независимый опорный пункт с тремястами бойцами. Он нам нужен.

Цинь Ху пристально посмотрел на нее.

— Зачем он тебе?

— Войско.

На заре следующего дня они покинули городские ворота.

Синвань ехала на тощей лошаденке, отбитой у бродяг. Цинь Ху шел пешком — он утверждал, что от верховой езды у него болит сиденье.

Дорога в тридцать ли заняла чуть больше двух часов.

Укрепление оказалось куда масштабнее, чем представлялось Синвань. Стены из утрамбованной земли высотой более чжана, поверх торчали заоснованные колья. По углам западной стены высились простые дозорные вышки, на которых дежурили стражники.

— А этот Хань Tiezhu... — Цинь Ху окинул взглядом оборонительные сооружения. — Умеет возводить крепости.

— Не просто возводить крепости, — поправила Синвань. — Он умеет вести дела.

Тот, кто умеет вести дела, куда ценнее в качестве союзника, чем искусный рубака.

Дозорные на вышке заметили их путников. Долговязый парень выкрикнул:

— Кто такие?

— Из Гуйдэ-фу, — задрал голову, ответила Синвань. — Желаем видеть вашего вожака.

— Кого?

— Лу Синвань.

Долговязый засомневался, развернулся и исчез вниз. Спустя четверть часа ворота отворились.

Встречать их вышел черномурый громила лет тридцати с небольшим, предплечья которого были толще бедер Синвань. Он с ног до головы окинул взглядом сначала Синвань, потом Цинь Ху.

— Господин Лу?

— Ты знаешь меня?

— Слышал, — черномурый широко ухмыльнулся. — Тот самый господин Лу, что разгромил пятитысячную армию бродяг. Наш предводитель велел передать: тот, кто способен выиграть столь безумное сражение, заслуживает личной встречи.

Внутри укрепление выглядело гораздо аккуратнее, чем снаружи.

Жилища глинобитные, но выстроены в строгом порядке. Улицы узкие, однако чистые. Ребятишки носились взад-вперед — прекрасный знак. Там, где есть дети, жизнь еще продолжается.

Хань Tiezhu поджидал их в просторной горнице в самом центре селения.

Лет тридцать пять. Рост средний, но плечи широкие. На лице запечатлелся шрам, тянувшийся от уголка левого глаза до самого подбородка. На нем была грубая полотняная одежда со ссученными рукавами, обнажавшими густо переплетенную сеть старых шрамов на предплечьях.

Завидев Синвань, он на мгновение опешил.

— Вы и есть господин Лу?

— Я самая.

— Такая молодая?

— Молодость — не недостаток.

Хань Tiezhu расхохотался. Хохот стоял громкий, казалось, звук рождается где-то в глубине грудной клетки.

— Присаживайтесь, — он указал на грубо сколоченную деревянную скамью. — Выпейте пиалы воды.

Вода была холодной. Пиала — грубой работы. Но Синвань отпила не колеблясь.

Цинь Ху застыл за ее спиной, оставаясь стоять. Его глаза беспрестанно сканировали помещение — профессиональная привычка.

Хань Tiezhu тоже заметил это.

— А этот...

— Цинь Ху, — бросил Цинь Ху. Ни лишнего слова.

— Пограничная армия Ляодуна?

Цинь Ху слегка прищурился.

— С чего ты взял?

— По манере стоять, — ответил Хань Tiezhu. — Люди из пограничной армии Ляодуна держатся иначе, чем все остальные. Вечно словно готовы выхватить клинки из ножен.

Выражение лица Цинь Ху неуловимо изменилось. Не злость — скорее признание.

Тот, кто способен по одной лишь стойке распознать воина ляодунского рубежа, сам прошел армейскую школу.

Перешли к делу.

Синвань не стала ходить вокруг да около.

— Мне нужны твои триста человек.

Хань Tiezhu держал пиалу в руках, но пить не стал.

— Сколько человек?

— Триста. Все до единого.

— На какой срок?

— По меньшей мере на три месяца.

Хань Tiezhu опустил пиалу.

— Триста ши зерна, — произнес он. — В обмен на то, что триста моих людей будут повиноваться твоим приказам целый месяц.

Триста ши.

Все запасы продовольствия в нынешнем Гуйдэ-фу насчитывали тысячу двести ши. Триста ши — ровно четверть. И всего на месяц.

— Слишком дорого, — покачала головой Синвань.

— А сколько дашь ты?

— Сто ши.

Хань Tiezhu презрительно хмыкнул.

— Сто ши? Ты что, нищего на паперти подачками тешишь?

— Сто ши, — повторила Синвань. — Но взамен я дам тебе то, что ценнее любого зерна.

Хань Tiezhu в упор посмотрел на нее.

— Что именно?

— Способ пережить эту зиму.

В комнате воцарилась тишина.

Хань Tiezhu умолк. Он вглядывался в Синвань, словно взвешивая что-то на невидимых весах.

Денничный ветер пробивался сквозь щели в окне, заставляя плясать язычок масляной лампы.

— С какой стати мне тебе верить? — вымолвил он. Голос звучал ниже прежнего. — Ты соплячка зеленая, с какой стати?

Синвань не спешила с ответом.

Она поднялась на ноги, подошла к окну и некоторое время молча смотрела наружу.

Затем обернулась.

— Колодец в твоём укреплении... — заговорила она. — Через два месяца пересохнет.

Лицо Хань Tiezhu изменилось.

Он ничего не сказал. Но выражение его лица выдало с головой — она попала в точку.

— В твоём селении больше трехсот душ. Ежедневно требуется по меньшей мере двадцать бадей воды. Твой колодец дает воду все медленнее и медленнее — если я не ошибаюсь, с прошлого месяца суточный объем упал ниже пятнадцати бадей.

Хань Tiezhu легонько постучал пальцем по крышке стола.

— Откуда тебе знать?

— Когда входила сюда, я взглянула на ваш водяной чан. Наполовину пуст. В укреплении с тремястами жителями воды на дне — значит, с источником беда. К тому же ваш колодец вырыт в северо-западном углу укрепления, а там рельеф возвышенный, грунтовые воды и без того залегают глубоко. Продолжится засуха еще два месяца — тот колодец иссохнет наверняка.

Хань Tiezhu впился в нее взглядом.

— Знаешь, как отыскать воду?

— Знаю, — ответила Синвань. — В «Новых очерках исследования вещей» об этом сказано черным по белому.

Она сделала паузу.

— Сто ши зерна. Я помогаю тебе отыскать новый водный источник. Ты помогаешь мне оборонять Гуйдэ. И не ради сделки — а потому, что пади Гуйдэ, твоему укреплению тоже не выжить.

Хань Tiezhu молчал очень долго.

Он смотрел на эту молодую женщину лет двадцати. Когда она говорила, ее глаза ярко сияли. Не тем юношеским блеском — а прозрением человека, который разглядел самую суть вещей.

Раньше он уже видел такой взгляд. Очень давно. Только никак не мог припомнить, где именно.

— Ладно, — бросил он. — Но тот способ сыскать воду ты обязана сперва объяснить мне.

— Условлено.

Хань Tiezhu провожал их до ворот.

Уже перед самым выходом он неожиданно бросил:

— Господин Лу... так тебя зовут?

— Да.

— Я знал одного человека, которого тоже звали господином.

Синвань обернулась к нему.

Взгляд Хань Tiezhu устремился куда-то вдаль. Словно он созерцал картину из далекого прошлого.

— Впрочем, то было давным-давно, — добавил он. — В префектуре Тайпин.

Префектура Тайпин.

Сердце Синвань забилося чуть быстрее.

Но расспрашивать она не стала.

Некоторые вещи должны всплыть на поверхность сами собой.

--- На обратном пути Цинь Ху предавался глубоким раздумьям.

Пройдя ли десять, он наконец нарушил молчание:

— Этот Хань Tiezhu... совсем не похож на разбойника.

— И правда не похож, — отозвалась Синвань.

— Словно бы служивый человек.

— Я того же мнения.

Цинь Ху одолел еще две ли.

— Тот человек, о котором он сказал «тоже звали господином»...

— Я знаю, — прерла его Синвань. — Тоже думаю об этом.

Вернувшись в Гуйдэ-фу, Синвань отыскала Су Цзиньшу.

— Помоги мне разузнать о прошлом Хань Тиежу.

Су Цзиньшу пристально посмотрела на нее.

— Что именно тебя интересует?

— Кем он был раньше. Где его близкие. Почему он собрал этот отряд.

Су Цзиньшу не стала допытываться о причинах. Она лишь кивнула.

— Дай мне три дня.

Спустя трое суток Су Цзиньшу принесла вести.

— Хань Тиежу. При рождении звался Хань Дачжу. Родом из Шанцю — того самого уезда Шанцю, что подчиняется Гуйдэ-фу.

Синвань сидела в боковой комнате, слушая ровный голос Су Цзиньшу.

— Семья крестьянская. В первый год правления Чунчжэня грянула великая засуха, посевы погибли подчистую. Он бежал от бедствий вместе с женой и двумя детьми. На дороге встретили бродяг...

Су Цзиньшу умолкла на секунду.

— Жену убили. Оба ребенка — одному три года, другому пять — умерли с голоду на дороге беженцев.

В комнате повисла тишина.

— Предав земле тело жены и детей, он скитался в одиночку два года. А затем где-то обучился воинскому искусству — то ли в армии побывал, то ли перенял у разбойников. На пятый год правления Чунчжэня он сколотил отряд и захватил земляную крепость к югу от Шанцю.

— Почему же он не промышлял грабежом и разбоем?

Су Цзиньшу бросила на нее взгляд.

— Потому что установил для себя один закон.

— Какой закон?

— Не причинять вреда своим.

Не причинять вреда своим.

Синвань снова и снова прокручивала эти четыре слова в уме.

Человек лишился всей семьи, собрал вооруженный отряд, захватил кусок земли. Но он не скатился до ремесла разбойника — потому что сам начертил для себя черту.

И имя этой черте было — «свои».

Вот только вопрос: кто они, эти «свои»?

Во второй раз в земляную крепость Синвань отправилась одна.

Цинь Ху тревожился и рвался с ней. Она отказалась.

— Дядюшка Цинь, ты вояка. Появись ты рядом, он решит, что я иду воевать. А когда я иду

одна, он поймет, что я пришла дружить.

Цинь Ху уставился на нее с гневом:

— А если он тебя в заложники возьмет, не боишься?

— Не возьмет.

— С чего такая уверенность?

— Поручкой тому его собственные принципы.

Завидев ее в одиночестве, Хань Tiezhu явно изумился.

— Ты одна?

— Одна.

Он провел ее в горницу. На сей раз воды не предложили — водяной чан стоял пустой.

Синвань не стала заводить речь о воде.

Усевшись на грубую деревянную скамью, она устремила взгляд на Хань Tiezhu.

— Мне известно о твоём прошлом, — заговорила она. — О твоей жене и двоих детях.

Рука Хань Tiezhu замерла.

Он как раз приводил в порядок короткий нож, лежавший на столе. Пальцы вросли в рукоять.

— Кто тебе рассказал?

— Неважно.

Молчание.

Долгое молчание.

Хань Tiezhu отложил клинок.

— Ну узнала, и что с того?

— Я думала... — неторопливо произнесла Синвань. — Кто же все-таки твои «свои»?

Хань Tiezhu смотрел на нее.

— Твои три с лишним сотни братьев — твои свои. Женщины и дети в укреплении — твои свои. Простолюдины из окрестных сел, приносящие тебе зерно в обмен на защиту от разбойников — они тоже твои свои.

Она сделала паузу.

— А те пять тысяч человек в Гуйдэ-фу? Разве они не свои?

Хань Tiezhu промолчал.

— Падет Гуйдэ-фу... — продолжила Синвань. — Бродяги хлынут на юг. Следующим падет твое укрепление. Сколько отразит твоя трехсотенная ватага? Пять тысяч? Десять? Сможешь ли ты держаться год, два?

— К чему ты клонишь?

— Я к тому... — она заглянула ему в глаза. — Что круг твоих «своих» должен стать шире.

Хань Tiezhu сидел неподвижно, словно изваяние.

Снаружи вновь задул ветер. Лампы качнулись.

Он вдруг вымолвил:

— Знаешь, почему я никого не граблю?

— Почему?

— Потому что в тот день, когда погибла моя жена, те, кто напал на нее... были такими же крестьянами.

Голос его звучал тихо.

— Тоже бежали от голода. Оголодали до беспамятства. Увидели у жены в узелке поллепешки и набросились. Она не пожелала отдавать. И тогда они...

Он зажмурился.

— Я убил их. Троих. Убил всех до единого.

Распахнув глаза, он посмотрел на нее:

— А расправившись с ними, я понял — они ведь тоже умирали от голода. Голодали точно так же, как я. Как моя жена.

— И тогда ты установил для себя правило.

— Не вредить своим, — произнес он. — Только вот кто такие «свои» — я никогда толком не мог понять.

Синвань посмотрела на него.

— Тогда я помогу тебе разобраться, — сказала она. — Те пять тысяч человек в Гуйдэ-фу — они и есть твои свои. Помоги мне защитить город. А я помогу тебе найти воду. И это не сделка. Просто... свои не должны смотреть, как умирают свои.

Хань Tiezhu вглядывался в нее.

Долго вглядывался.

Затем поднялся.

Шагнул к выходу.

Обернулся.

— Тот способ сыскать воду... научи меня.

Синвань обучила его.

Не умению копать колодцы — умению читать рельеф местности и определять уровень грунтовых вод.

— Низины, участки с потемневшей землей, места с буйной растительностью — там грунтовые воды залегают высоко.

Она опустилась прямо на землю, подобрала сухую ветку и стала чертить схемы на грунте.

Хань Tiezhu присел рядом, наблюдая.

— Твоя поза, когда ты чертишь... — вдруг проговорил он.

Синвань подняла голову.

— Что такое?

— Видывал я одну женщину. Она чертежи вела точно так же. Садилась на землю, зажимала в пальцах сухую ветку и что-то бормотала себе под нос, чертя черты.

Сердце Синвань затрепетало.

— Где ты ее видел?

Хань Tiezhu призадумался.

— В префектуре Тайпин. Очень давно. Я тогда еще сопляком был. Горбатился на людей за околицей крепости. И была там одна госпожа — женщина — учила народ улучшать почву. Точно так же усаживалась на корточки и чертила на земле.

Он почесал в затылке.

— Странно. Ты на нее ужасно похожа.

Синвань не проронила ни слова.

Она опустила голову и продолжала выводить линии на земле.

Но глаза защипало от подступивших слез.

Мама.

Ты ведь тоже сживала здесь и чертила.

Ты тоже учила этого человека.

Тридцать девять лет назад.

Хань Tiezhu сдержал слово.

Спустя три дня он явился к стенам Гуйдэ-фу во главе трехсот бойцов.

Отряд выстроился в ровный строй. Пусть не регулярное войско, но куда боеспособнее любых бродяг. Каждый вооружен по своему разумению — ножи, копья, пара луков нашлась у каждого.

Цинь Ху наблюдал за их входом у городских ворот.

— Недурно, — изрек он. Из уст воина подобная похвала равнялась десятку восторженных дифирамбов.

Хань Tiezhu подошел к нему, сложив руки в приветственном жесте.

— Старый генерал Цинь. Давно слышан.

Цинь Ху фыркнул.

— Брось эти нежности. Вошел в город — подчиняйся приказам.

— Чьим приказам?

Цинь Ху кивком указал на крепостную башню.

Там стояла Синвань. Лучи заходящего солнца вытянули ее силуэт в длинную тень.

Хань Tiezhu поднял взгляд.

— Ее приказам, — ответил он.

---*Осень тридцать третьего года правления Ванли. Префектура Тайпин.*

Перевернув страницу, Синвань почувствовала, как зачастило сердце.

Ма Чжун смириться не желал.

Бегство из-за «призрачных» историй сделало его посмешищем среди подчиненных. Он, подручный сборщика налоговых пошлин, три года бесчинствовавший на земле префектуры Тайпин, когда еще терпел подобные унижения?

Он решил попытать счастья вновь.

На сей раз подготовка шла основательно.

Во-первых, он разыскал даоса.

Тот звался по фамилии Чжан, объявлял себя прямым потомком школы Чжэньи с горы Гора Лунхушань. Умел писать талисманы, читать заклинания и изгонять бесов. Запросил пятьдесят лянов серебра. Ма Чжун скрипел зубами, но раскошелился.

Во-вторых, привел с собой пятнадцать человек. В прошлый раз было пятеро, теперь — троекратное увеличение. У каждого при себе оружие.

В-третьих, явился средь бела дня. Днем сила ян мощна, и нечисть носа не кажет.

— Госпожа Шэнь! — он вальяжно шагнул на территорию керамической мануфактуры. Позади семенили даос и пятнадцать головорезов. — С прошлым разом... надо бы толком разобраться.

Шэнь Роюй стояла у печи.

Она окинула взглядом Ма Чжуна. Даоса. Пятстерку бандитов.

Потом подняла глаза к небу.

Самый полдень. Солнце сияет вовсю.

— Господин Ма, — произнесла она. — На сей раз привели с собой даоса?

Ма Чжун холодно усмехнулся:

— Разве госпожа Шэнь не утверждала, что в печи завелись призраки? Я пригласил даоса Чжана изгнать нечистую силу.

Даос Чжан погладил бороду, приняв вид истинного небожителя.

— Места здесь и впрямь пропитаны мрачной силой инь, — он сложил пальцы в заклинании. — Доверьте нищему расчистить обитель от скверны.

Шэнь Роюй наблюдала, как даос разворачивает алтарь прямо посреди мануфактуры.

Персиковый меч. Желтые бумажные талисманы. Медные колокольчики. Киноварь.

Инвентарь подобран на славу.

Она быстро прикинула варианты в уме.

В прошлый раз ей удалось напугать людей Ма Чжуна с помощью акустических эффектов. Но второй раз трюк не пройдет — Ма Чжун не дурак, раз притащил даоса, значит, уже заподозрил рукотворный характер прежних «призраков».

Требовался новый прием.

Она бросила взгляд на Тао Цзюцзиня.

Тот стоял возле горна, сжимая в руке клещи. На лице — ни единой эмоции, лицо Тао Цзюцзиня всегда оставалось непроницаемым. Но в глазах читался безмолвный вопрос: что делать?

Шэнь Роюй беззвучно прошептала губами два слова.

— Известь.

Тао Цзюцзинь понял.

<http://bllate.org/book/21208/2146550>